

Вопрос о необходимости создания новых театров неоднократно поднимался на съезде Союза театральных деятелей СССР. Тем интереснее опыт ташкентского «Ильхома», о котором рассказывает режиссер Марк ВАЙЛЬ.

ПУТЕШЕСТВИЕ никто не планировал. Не очень четким представлялся маршрут. Как теперь мы говорим, оно было подказано жизнью. Наверное, это и в самом деле так.

10 лет назад в Ташкенте собрались актеры и режиссер, сделали импровизированный спектакль и отправились в Нечерноземье в свой личный отпуск.

Контакты с местной филармонией не было, впрочем, как и гастрольного удостоверения. Заработать денег в планы не входило. Никто ничего не зарабатывал. Кажется, даже слегка потратились. Вернувшись домой, сделали еще один спектакль, а потом в течение десяти лет — еще 20. Все бесплатно. (Экономическое и правовое обоснование оплаты их труда догнало энтузиастов лишь в минувшем году. Десять лет спустя.) И так работали: урывая время между или после спектаклей.

К первым десяти артистам присоединились еще десять, а потом еще. Их окружили художники, композиторы и музыканты. И все вели неправильный ночной образ жизни. Для кого-то он длился месяцы, для кого-то годы. Эти последние стали основой театральной студии «Ильхом».

Будучи непрактичными по отношению к себе, основатели студии все-таки сумели построить свой дом на уровне современной технологии малых сцен, начинить его электроникой, стереофонией и всем другим, необходимым для работы. Как они это сделали? Разумеется, неправильно, потому что никому не было понятно, что же такое рождается. Государственный театр — понятно! Народный театр — понятно. Но Студия профессиональных актеров? К счастью, в годы рождения и становления «Ильхома» Театральное общество возглавлял тоже «неправильный» зампред Рахим Кариев, который в свои семьдесят лет взял да поверил в негарантированное дело да выделил еще деньги на оборудование студии. Вот так и встала на ноги студия «Ильхом». Вот так и поставила свои 23 спектакля, на которых побывали

Марк ВАЙЛЬ,
режиссер

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ, ИЛИ ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

в ее 130-местном зале более 65 тысяч зрителей. Потом об этих спектаклях появились десятки статей в нашей стране и за рубежом, об «Ильхоме» сняли фильм, студия побывала в Москве и Ленинграде, знаменитые коллеги из многих театров страны расписались на стенах студийного холла и т. д. и т. п. Короче, «Ильхом» приобрел известность...

Целое поколение молодой режиссуры, актеров и сценаристов выросло в нем — практически лучшее, что появилось в последние десятилетия в двухмиллионном Ташкенте.

Таким образом, итог десятилетнего незапланированного путешествия вроде бы обозначился и даже чем-то впечатлял.

Но тогда возникает вопрос: что есть студия — проба сил, начало или кульминация, взрыв, выражение идей нового театрального поколения?

Кажется, мы смирились с тем, что в генетическом коде развития театра выпало существенное звено. Будто все в нем бесценно и не подлежит тлению. А потому ничего не должно рождаться. Студия профессионалов сегодня рассматривается как рудимент (или как ретродив?). Я вспоми-

наю целый ряд ответственных товарищей, среди которых были и работники Министерства культуры, и заведующий отделом одного из печатных органов культуры, которые раздражались при одном упоминании о студии: мол, тут большие театры пребывают в кризисе и не выдают качество, что же взять с вас?!

Работники эти словно забыли, что вся история студий, начиная с Вахтанговской и кончая Ефремовской, была связана не с тем, что со студиями «возились», а, наоборот, с тем, как с невероятной щедростью последние обогащали театр. Что касается «возни», то тут речь может идти разве что об умении использовать все, что может дать студия. А вот с этим-то как раз и обстоит все непонятно.

Парадокс, но «Ильхом», оказавшийся колыбелью для части нового поколения театральной молодежи, так и не стал участником ни одного фестиваля молодежных спектаклей! Будучи «незаконно рожденным» дитем, «Ильхом» вроде бы не вписывался в театральную жизнь.

К сожалению, мы вообще забыли, как рождаются театры. Постановили — и создается. То есть наиболее искусственный путь становится единственным способом увеличения количества театрально-зрелищных предприятий. При этом мы не можем вспомнить ни одного учрежденного по приказу театра, который сразу сумел бы встать на ноги как художественно полноценный организм. На период адаптации этого «искусственного» дитяти тратятся большие государственные деньги и творческие ресурсы. И это вовсе не гарантирует, что в результате действительно появится полноценный Театр!

Мне могут напомнить, что рождение и жизнь многих студий совпали с переломными моментами в истории нашего государства, с подъемом общественной жизни.

Однако тот же «Ильхом» — пример явной причинной связи. Его возникновение в середине 70-х годов — это закономерная реакция на отсутствие общественного подъема, застой в театре, невозможность последовательно осуществлять постановки новой драматургии. Если «Современник»

начался с Розова, то «Ильхом» начался с Вампилова и его драматургами стали Ш. Башбеков («Ежики без колючек»), «Вальс для белых коней»), С. Злотников («Сцены у фонтана»), прозаики Ч. Гусейнов («Магомед, Мамед, Маамиш»), К. Сергиенко («До свидания, овраг») и другие авторы.

Сейчас, когда мы много говорим и пишем о реформе театрального дела, о театральном эксперименте, становится очевидным, что в него должна быть заложена и возможность организации различного рода студий, театров-спутников. Для этого театр должен иметь возможность экономически подкреплять идею, выделяя на нее дополнительные средства. Студия должна использовать как собственные актерские резервы театра (здесь может не обрываться связь с метрополией), так и заключать договора с другими актерами сроком на один-два года.

В случае удачи мы будем иметь не только потенциально новый театр, проверивший за два-три года свой творческий уровень, но конкретные результаты в своем искусстве, которых так не хватает для движения и жизни театра.

Какое же это особое, прекрасное состояние, когда рождающийся театр видит, как первые единицы, десятки зрителей вырастают в сотни, а через какое-то время уже тысячи людей стремятся посмотреть твои спектакли!

Время — категория удивительная. Молодому «Ильхому» 10 лет, но он уже стар. Один из первенцев студии — брехтовскую «Мещанскую свадьбу» сегодня смотрит молодежь, которая в год рождения «Ильхома» и имени-то великого драматурга не знала.

Таким образом, с «Ильхомом» выросло не только театральное, но и зрительское поколение. Именно в этот период «конкурентоспособный» «Ильхом» заставил академические театры Ташкента повноваться и открыть свои малые сцены. Именно в этот период в Ташкенте наблюдался рост интереса к театру. Однако некоторым спокойнее все-таки жить в полупустых залах. Ведь очень часто раздавались голоса, что пора, мол, разобраться с этой студией. Почему ходит народ? И какой народ? И укоризненно пальчиком: «Ишь ты, театр они захотели». И резко: «Не будет театра!»

И этот любопытный период тоже пере-

жил «Ильхом». К нам являлись комиссия за комиссией, а актеры продолжали бесплатно играть свои спектакли. И даже придумали формулу, объясняющую смысл бытия «Ильхома», — «параллельный театр». И даже укрепились в мысли, что никогда, мол, и не хотели создавать театр, а так, встретились друг с другом, да и не смогли на ближайшие десять лет расстаться.

Итак, 10 лет спустя, установив рекорд длительности существования студии профессиональных актеров в истории советского театра, каждый из нас ездил на «круги своя». Уже работая в больших театрах Москвы и Ташкента, естественно проецируя на них опыт нашего театра, оставшегося в «прошлой» жизни, я возвращаюсь к нему и о многом размышляю. Например, о том, что комиссии исчезли из «Ильхома» вместе с угасанием волны, последовавшей за взрывом — рождением студии. Волна была долгой. Могла еще длиться. Пришла инерция, и комиссии исчезли. Это прекрасно, что исчезли. Однако почему наступила инерция?

И еще — как новый человек в сложившейся традиционной театральной системе остро ощущал в первое время, как болезненно многими недугами старый театр. И как долго не знал их «Ильхом»!

Вот почему, познав рождение живого театра, пытаюсь делать что-то, чтобы идея «Ильхома» продолжилась.

Я оглядываюсь на Московскую студию молодых драматургов, разместившуюся в помещении Театра Ленкома, созданную по инициативе сверху, более двух лет собиравшуюся духом, тщательно выверявшую название первого своего спектакля, — и вновь понимаю, что студии должны рождаться по-разному.

И чаще всего «неправильно», как «Ильхом».

Когда на какое-то время творцы должны освободиться от проблемы рубля. Когда должен найтись один-единственный руководитель, который выделит на дело сколько-то там тысяч. А органы культуры на время «прозевают» студию, чтобы дитя само встало на ноги...

Впрочем, попробуем представить, что путешествие «Ильхома» не было.

Кто-то из актеров не стал бы к сегодняшнему дню тем, кем стал. Наши драматурги не увидели бы своих пьес — ведь их не ставили. Не родились бы ильхомовские спектакли, к ним не была бы сочинена музыка и сценография...

Выпавшее из связи звено должно восстановиться. Только тогда путешествие, совершенное «Ильхомом», станет нормой. А если верить Питеру Бруку, то для истинного художника оно уже награда.

И еще: путешественники, мужая в пути, узнают много нового, о чем мы забыли или только догадываемся.

ТАШКЕНТ